

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

КОНН
ИГГУЛЬДЕН

ИМПЕРАТОР
КРОВЬ БОГОВ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
И 26

Conn Iggulden
THE BLOOD OF GODS

© Conn Iggulden 2013

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *П.Трофимова*

Иггульден, Конн.

И 26 Император. Кровь богов / Конн Иггульден ; [пер. с англ. В. А. Вебера]. — Москва : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Исторический роман. Новое оформление).

ISBN 978-5-699-75986-6

Гай Юлий Цезарь мертв. Осиротевший Рим беснуется, требуя крови убийц. И кровь прольется — на улицах Вечного города, в тиши поместий и на полях сражений, где сойдутся в безжалостной битве римские легионы, еще недавно сообща служившие Сенату и Народу. Кто возьмет власть, выпавшую из рук убитого божества? Кого история назовет триумфатором, а кому в награду достанутся лишь смерть и забвение? В чередѣ могущественных консулов, сенаторов, военачальников трудно заметить самого юного из претендентов на власть — молодого человека по имени Октавиан. Тот, кого назвал своим сыном сам Цезарь. Тот, кому суждено похоронить Республику и стать первым императором Рима.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-75986-6

© Вебер В.А., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

«Я человек самого мирного склада. Прошу лишь о скромной хижине с соломенной кровлей, хорошей постели, хорошей пище, свежем молоке и масле, цветах перед окном и нескольких прекрасных деревьях перед дверью; а если дорогой Господь хочет совершенно осчастливить меня, Он пошлет мне радость увидеть шесть или семь врагов моих, развешанных на этих деревьях. Перед смертью я прощу им все обиды, которые они мне нанесли при жизни. Надо прощать врагам своим, но уже после того, как их повесят».

Генрих Гейне

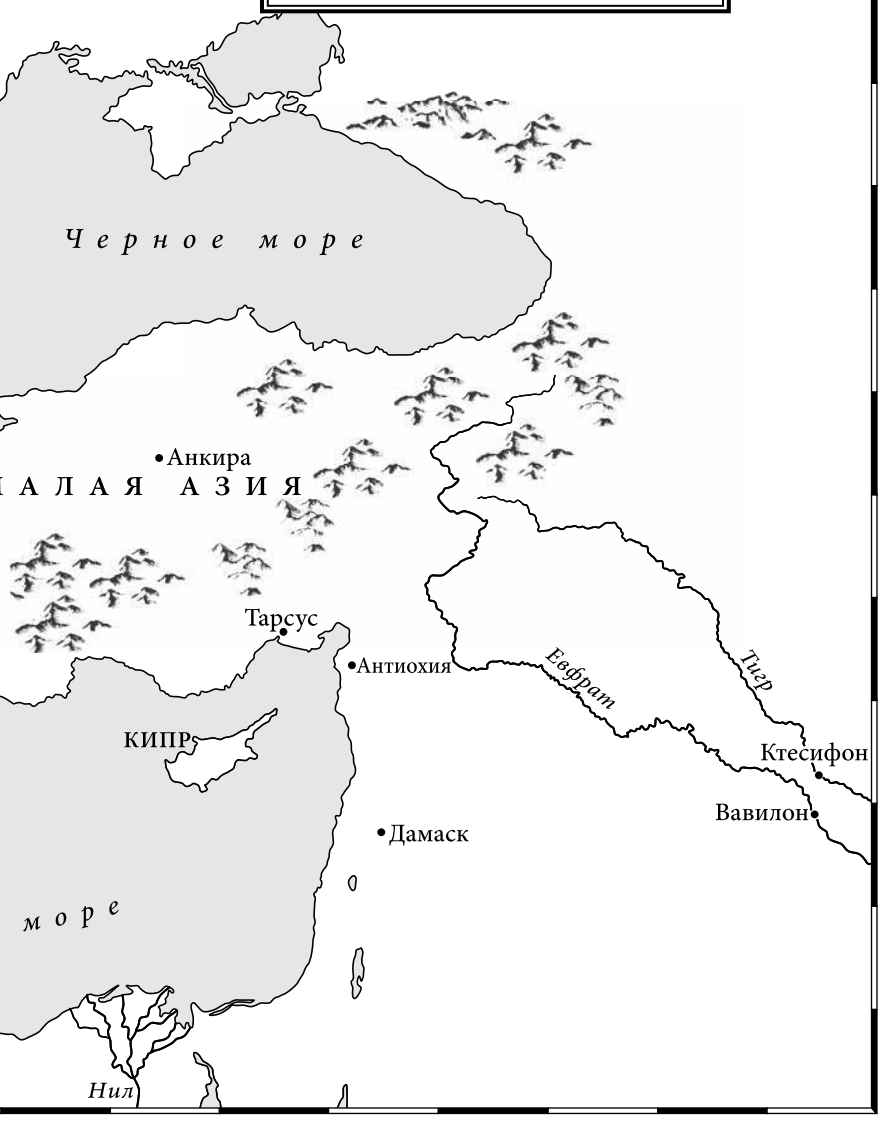
Посвящается Джорджу Романису

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Я вновь в огромном долгу перед талантливыми людьми, которые читали и перечитывали эту книгу, яростно спорили и редактировали ее вместе со мной. И прежде всего, перед Кэти Эспинер, Тимом Уоллером, Трейси Девин и Викторией Хобс. Спасибо вам огромное.

Римский мир, 44 г. до н. э.

ПРОЛОГ

Не всех запятнала кровь. Его недвижимое тело лежало на холодном мраморе, а со скамей падали красные капли. Те, кто уходил, оглянулись минимум по разу, не в силах поверить, что тиран уже не поднимется. Цезарь боролся, но они взяли его и числом, и решимостью.

Они не увидели его лица. В последние моменты своей жизни правитель Рима схватил полы своей тоги и покрыл ими голову, когда они схватили его и пустили в ход кинжалы. Белизну одежд разукрасили пятна от ран. Когда он покачнулся и упал на бок, желудок его опорожнился. И теперь по театру расплзалась вонь. Убитый ими окончательно лишился достоинства.

Больше двадцати человек участвовали в убийстве, некоторые до сих пор тяжело дышали. В два раза больше людей замерли вокруг: те, кто не обнажил кинжала, но стоял и

наблюдал, пальцем не шевельнув, чтобы защитить Цезаря. Убийцы еще не пришли в себя и чувствовали теплую кровь на коже. Многие из них служили в армии. Многие и прежде видели смерть, но в чужих странах и экзотических городах. Не в Риме, не здесь.

Марк Брут прикоснулся лезвием к обеим ладоням, оставив красные следы. Децим Юний¹ увидел, как он это сделал, и немного помедлив с выражением благоговейного трепета на лице, тоже окрасил свои ладони свежей кровью. С тем же благоговением остальные последовали их примеру. Брут уверил их, что они не должны испытывать чувства вины. Он сказал им, что они спасли народ от тирана. Следуя за ним, они направились к яркому свету, вливающемуся в распахнутую дверь.

Марк Брут глубоко вдохнул, когда они подошли к двери и оказались на солнечном свету. Он остановился на пороге, впитывая в себя тепло. Только он в этот день оделся, как солдат: доспехи, гладий у бедра... Хотя возраст Брута приближался к шестидесяти годам, его голые загорелые ноги оставались сильными и крепко стояли на земле. Глаза блестели от слез, и он чувствовал, будто годы ушли вместе с боевыми шрамами, и теперь он вновь молод.

Он слышал, как мужчины в тогах собираются за его спиной. Подошел старый Гай Кассий Лонгин и легонько коснулся его плеча, чтобы успокоить или поддержать. Марк Брут не обернулся. Он смотрел на солнце.

— Теперь мы можем чтить его, — проговорил он, похуже, обращаясь к самому себе. — Теперь мы можем завалять его память почестями, пока они не раздавят ее.

Кассий услышал, вздохнул, и его вздох этот не улучшил настроения его сообщника.

¹ Децим Юний — речь о Дециме Юнии Бруте Альбине. Автор сознательно укорачивает имя, чтобы избежать путаницы.

— Сенат ждет новостей, друг мой, — пробормотал Гай Кассий. — Давай оставим старый мир в этом месте.

Брут посмотрел на него, и худощавый сенатор чуть ли не отпрянул от увиденного в его взгляде. Все вокруг застыло, и за их спинами не раздавалось ни звука. Несмотря на то что все эти люди только что совершили убийство, каждый из них лишь теперь ощутил страх перед городом, в котором они находились. Их понесло, как несет листья, сорванные порывом ветра, они просто пошли за сильными. Теперь реальность вернулась, и сквозь пляшущие на свету золотые пылинки проступал Рим. Брут вышел на освещенную яркими лучами солнца улицу, и все остальные двинулись следом.

На каждом свободном пяточке тысячи ремесленников и крестьян предлагали свой товар: они даже заняли половину каменной дороги. Волна тишины покатилась от театра Помпея, исчезая позади сенаторов, но оставаясь с ними, когда они повернули к Форуму. Лоточники, слуги и римские граждане замирали при виде нескольких десятков человек в белых тогах, следовавших за мужчиной в доспехах, правая рука которого то и дело тянулась к рукояти меча.

Рим и раньше видел процессии, тысячи процессий, но на лицах тех, кто поднимался сейчас на Капитолийский холм, не было радости. Шепотом и толчками в бок зеваки указывали на красные полосы на их руках, на все еще алые брызги крови на их тогах. Люди в страхе качали головами и пятились, словно эта процессия таила в себе опасность или болезнь.

Марк Брут поднимался по склону, шагая на восток. Его охватило странное предчувствие: впервые он что-то испытывал после того, как вонзил железо в грудь своего лучшего друга и ощутил дрожь, свидетельствующую о том, что острое пронзило сердце. Ему пришлось собрать волю в ку-